

Анатолий Старов

ПЕРСТЕНЬ ЦАРЯ СОЛОМОНА

*Ad maroјem Dey
gloriam¹*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Утром, когда Венедикт собирался на работу, неожиданно требовательно зазвонил мобильник. Струкачев с удивлением взглянул на экран. Какого же было его удивление и радость, когда он увидел, что ему позвонил его друг еще с детских времен Виктор Серов.

— Здравствуй, Венедикт! Серов тебя беспокоит.

— Здравствуй, Витя! Я безумно рад тебя слышать, дорогой, — искренне обрадовался Венедикт, услышав голос старого друга. — Как ты

¹ Ad maroјem Dey gloriam (лат) — К вящей славе божьей.

поживаешь? Что-то давно мы с тобой не встречались.

— В-о-о-т! Дружище, ты зришь в корень. Я тут себе командировку выбил в ваш город, так что надеюсь, мы с тобой встретимся и уж от души наговоримся. Ты не очень будешь загружен своей работой?

— У-р-р-ра! — почти закричал в трубку Венедикт. — Ты когда будешь в городе? Ради такого случая я пропущу работу по боку. Не каждый день ко мне приезжают друзья моего беззаботного детства.

— Ты, там того, без фанатизма, — рассудительно начал говорить Виктор. — Хотя... насколько я понимаю, ты — владелец фирмы. Один денек в твоей конторе перебыютя и без тебя. У меня сегодня вечером поезд и, соответственно, завтра утром буду у вас.

— Витька, я так рад это слышать! Ты поднял мне настроение на целый день. Какой у тебя вагон?

— Седьмой. А что? Ты что, собираешься меня встречать?

— А как же! Ты что сомневаешься? И не только я, но и Надежда со мной поедет. Она уж не упустит такой возможности встретиться с другом моего детства, о котором я ей столько много рассказывал.

— Веня, ну, ты из моего приезда целое

представление собираешься устроить. Скромнее надо быть, дружище, попроще. И прошу тебя, не надо выстраивать оркестр и почетный караул. У меня на лицо симптомы гипертрофированной скромности.

— Скромник ты мой дорогой! Витек, а ты помнишь, как ты меня встречал на отцовском мотоцикле? У тебя тогда и прав-то на вождение не было по твоему малолетству. Но, не смотря на это обстоятельство, ты все-таки встречал меня. А потом ночью, под проливным дождем вез меня по разбитой лесной дороге в деревню. А я тебя всего на всего хочу встретить на своем скромном «Лексусе» в сопровождении своей законной жены и отвести тебя в поселок по асфальту.

— Хорошо, Веня, хорошо. Ты уговорил меня. Умеешь ты уламывать. Так и быть, согласен, встречай. До встречи! Очень буду ждать ее. Хочу тебе признаться, что иной раз, как накатят на меня воспоминания о тебе, так у меня аж скулы сводит от возбуждения и со рта слюна капает. Как у кобеля моего. До чего же я соскучился по тебе!

2

Едва поезд остановился, как Венедикт, бесцеремонно расталкивая выходящих пассажиров, ворвался в вагон. Разыскав Виктора в одном из

купе, закричал от возбуждения, обнял его крепко и, не справившись с радостью, схватил друга на руки, поднял, вытащил в проход и закружил по тесному коридору вагона, мешая проходу выходящих пассажиров.

— Венедикт, что ты, дорогой, что ты? — засмутился и обрадовался такой бурной встрече друг. — Ты сейчас всех добропорядочных пассажиров своими дикими воплями перепугаешь. Давай-ка зайдем в купе, пусть народ спокойно выходит.

Друзья с шумом ворвались в купе, расселись на полках и начали наперебой делиться новостями жизни.

— Виктор, ты в город приехал ко мне в гости, или по делам каким? — спросил Венедикт, когда основные новости были рассказаны и эйфория от встречи начала потихоньку отходить.

— Я, как тебе по телефону уже сообщал, приехал к вам в город в командировку. Заодно и с тобой пообщаюсь очно. А то все по телефону, да по телефону. Заодно посмотрю ваш прекрасный город. Я еще пацаном был в нем. Все времени не хватает. Жизнь пролетает, словно скоростной поезд.

— Да чего город-то смотреть? Город, он и в Африке город. Ну, покажем мы его тебе, покажем. Не переживай. Самое главное нам с тобой пообщаться, дорогой мой друг. Кстати, об общении.

Не знаешь, как там ребята? Все у них в порядке? Ты с ними переписываешься?

— Как не знать! Все у них в порядке. Один Сашка в нашей деревне по-прежнему живет. У него уже трое ребятишек. Стал толстым, как боров и очень важным. А с Сашей Архангельским переписываюсь. Иногда перезваниваемся. Мы даже встречаемся с ним изредка. Помнишь еще Архангельского?

— Почему ж не помню? Конечно, помню, что еще за странные вопросы ты задаешь? Можно сказать, обижаешь даже.

— Не обижайся. Это я так. Для поддержания разговора. Сашка о тебе тоже помнит. Он в этом году на новогодние праздники приезжал к нам в деревню проведать живущих там родственников. Мы с ним за твое здоровье и здоровье твоей жены не одну рюмашку подняли. — Виктор заулыбался, вспоминая встречу с другом детства. — Мы так старались, чтобы наши пожелания сбылись, что потом сутки не могли смотреть на алкоголь и еду.

О! Пока вспомнил! Дозволь мне тебе слегка нервы пощекотать? Я же помню, что ты любишь всякую мистику. Так вот, Саша мне рассказал, что несколько лет назад он был в Палестине в командировке, и приобрел у одного замызганного торгаша всякой рухлядью какую-то очень древнюю бутылку, как две капли воды похожую на одну из

тех, в которые когда-то были заточены джины. Прямо как в сказке какой-нибудь. По словам Санька ему бутылка уж очень понравилась. Как он рассказывал, она даже толстым слоем грязи была покрыта. Да таким плотным, что ничего не было видно, что там внутри. Горлышко бутылки было залито сургучом, и на нем была печать — круг и посередине буква «А».

Приехав домой, он долго держался, сохраняя товарный вид бутылки. А потом не выдержал и вскрыл ее, надеясь заполучить от туда какого-нибудь завалища джина. Но в бутылке, вместо джина был всего на всего небольшой лист какой-то старой кожи, на котором был изображен кружок со звездой и какое-то слово. От найденного предмета он очень разочаровался и привез листок мне. Мне он, сам понимаешь, без надобности. Зная, что ты любишь всякие мистические штучки, я привез его тебе. А вот бутылку он, извини, зажал, редиска.

— А какое слово там было написано, Витя? — машинально поинтересовался Венедикт, с удовольствием разглядывая черты лица друга, которого уже давно не видел.

— Да откуда я знаю! Ты же знаешь, что мне это совершенно не интересно. Я только мельком взглянул на лист и убрал в коробку, которую и везу тебе. Когда я его тебе вручу, сам посмотришь.

Надеюсь, тебе будет интересно.

В купе, проходя по коридору к выходу, заглянула красивая эффектная брюнетка.

— Здравствуйте, — она с любопытством взглянула на Венедикта, улыбнулась ему многообещающе. Встретившись с холодным взглядом его голубых глаз, девушка разочарованно вздохнула и повернулась к Серову.

Венедикт с удивлением почувствовал, как нагревается амулет старой Аксины, с которым он никогда не расставался.

— «О, оказывается это прелестное создание — ведьма. И, судя по степени нагревания, ведьма достаточно сильная», — размышлял он, пока Виктор любезничал со своей молодой попутчицей. — «Впрочем, ничего супер странного в этом нет. Ведьм вокруг значительно больше, чем это принято считать. И это совсем не значит, что она принесет беду».

— До свидания, Виктор, — отвлекаясь от своих мыслей, услышал Венедикт. — Приятно было с вами познакомиться. И вам до свидания, молодой человек, — девушка снова скользнула взглядом по равнодушному детективу.

— До свидания, Ольга. Надеюсь, мы с вами еще встретимся?

— Конечно, встретимся! Обязательно! Ведь наша земля такая маленькая и кругленькая. Всего

вам самого наилучшего.

— Вам тоже успехов в вашей работе.

— Кто это? — полюбопытствовал Венедикт, когда девушка вышла из купе. — Я смотрю, ты время в дороге зря не терял. С какой красавицей познакомился! Вот сообщу Наталье, она быстро тебе последние волосенки-то повыдергивает.

— Нет, дружище, только не это, — рассмеялся Виктор. — Наталья меня убьет, если узнает. Ты знаешь, какая она у меня ревнивая? Ужас просто! А Ольга... Это чисто мимолетное знакомство, чтобы как-то скрасить долгие часы дороги. А девушка — ничего! Согласен? Кстати, она тоже увлекается всякими древними артефактами. Все расспрашивала меня об этом листе.

— Ты успел и ей похвастать?

— Каюсь, решил пустить ей пыль в глаза. Она мне о всяком таком таинственном, мистическом, я — ей. Так мы и скоротали время в дороге. Хорошая девушка. Мне она понравилась, чертовка.

— Ладно, Казанова, о твоих амурных делах мы с тобой продолжим наш разговор у меня дома. Пора нам с тобой выбираться из вагона. Я в окошко вижу, что моя жена уже избегалась по перрону.

— Ты что, все-таки с Надеждой приехал на вокзал? Что же ты раньше мне об этом не сказал? Вот чудак. Пошли быстрее на выход. Нельзя заставлять женщину долго ждать. Это против их

женской природы. Женщина и долгое ожидание — два абсолютно не совместимых субъекта.

— Пошли уж, субъект! Философ доморощенный.

Виктор прихватил с полки коричневый кожаный «дипломат», и друзья вышли на перрон. К ним подбежала, очаровательно улыбаясь, Надежда.

— Наденька, вот, познакомься. Это мой друг детства Виктор Серов. Я тебе о нем рассказывал ни раз. А это, Витя, моя жена — Надежда.

— Очень приятно, Виктор, — протягивая руку, проговорила женщина. — Венедикт очень много рассказывал мне о вас. Я вас вижу впервые, а у меня складывается такое впечатление, что знаю вас всю свою жизнь.

— Мне тоже очень приятно с вами познакомиться. Мне Венедикт в каждом письме рассказывал о ваших достоинствах, и я рад встретиться, наконец-то, с женой своего старого друга, — Виктор галантно наклонился и поцеловал женщине руку. Выпрямившись, взглянул в глаза женщине, искренне, открыто улыбнулся, — Впервые имею честь лицезреть перед собой женщину, напроць лишенную недостатков.

Надежда засмушалась и гордо взглянула на мужа.

Венедикт, наблюдая за разговором друга с женой, не выдержал, прыснул в кулак.

— Ребята, хватит уж обмениваться любезностями. Поехали быстрее домой, там и наговоритесь, пообщаетесь, сколько душе угодно.

— Веня, — остановил друга Виктор, — не гони лошадей. Я все-таки в командировку приехал. Я предлагаю поступить так — я сейчас смотаюсь на завод, быстренько сделаю свои дела, а потом сразу к вам. Я тут везу тебе бутылочку своего фирменного самогончика. Великолепнейшая, должен тебе сказать, вещь. Я сам ее, вот этими руками, создавал. Отец-то теперь старый. Сам самогонку делать уже не может, сил не хватает. Но он щедро поделился со мной секретами своего мастерства. А должен тебе заметить, что это дело не такое уж простое, как может показаться. Здесь много секретных нюансов. Эту партию я делал из абрикосов. Ароматная — обалдеешь. А горит!.. Не хуже чистого спирта. Вот с ней, родной, мы и проведем сегодняшней вечер в приятной компании. А Надежде я везу бутылку настоящего испанского вина. Выпьем с тобой... Ха! Помнишь, как тогда, Веня, в детстве?

Венедикт, смущенно улыбнувшись, поморщился.

— Помню, конечно. Я тогда здорово набрался. До сих пор вспоминать стыдно. Единственно, что меня оправдывает, это моя непростительная молодость в те далекие времена. Впрочем, о нашей

с тобой молодости и похождениях мы поговорим с тобой позднее. Вспомним о наших с тобой первых шагах по борьбе с ведьмами. Надюшка с удовольствием послушает о наших с тобой приключениях. Любит она эти мистические истории. Она и сама теперь один из моих сотрудников. А надолго ты на завод? А то у меня уже сейчас рот слюной наполнился в предвкушении многообещающего застолья.

— Ну, думаю, на заводе я за часик обернусь. Может, чуть больше. Вы поезжайте сейчас домой. А я, как освобожусь, так на такси и рвану к вам. Адрес ваш я знаю. Так что не беспокойтесь, разыщу.

— Давай мы тебя хоть к заводу подвезем.

— Не надо, Венедикт, спасибо. Это уже перебор будет. Я прекрасно знаю, где он находится. Пройдусь по городу пешочком. Здесь совсем недалеко. Посмотрю, полюбуюсь его красотами.

— Ну, смотри. Делай, как считаешь нужным. Только, Витек, не особо долго разгуливай. Мы с Надеждой будем ждать тебя.

Беседа, друзья вышли на привокзальную площадь.

— Венедикт, я побежал по своим делам и потом сразу к вам. Добро?

— Добро. Что я могу тебе еще сказать? Беги, давай!

Венедикт провожал взглядом удаляющегося Серова. Виктор шел бодрым шагом, слегка помахивая коричневым «дипломатом». Почувствовав на спине взгляд друга, остановился, повернулся и, улыбаясь, помахал приветливо свободной рукой.

— Поехали, Надюша, домой. Сейчас мы что-нибудь вкусенькое приготовим, чтобы поразить нашего гостя своими кулинарными изысками. Только знаешь, у меня возникло какое-то неприятное чувство тревоги. Даже не знаю, чем это объяснить?

— Веня, я не вижу никаких причин для тревоги. Ну что может случиться с Виктором? Около часа он пробудет на заводе, часа два на дорогу. Пройдет три часа, ну может немного больше, и ты снова встретишься со своим другом.

Венедикт вел машину, поглядывая в зеркало заднего вида.

— «Что за чертовщина, эта голубая «Мазда» уже двадцать минут тянется за нами», — насторожился он, взглянув на жену. Надежда, не замечая тревоги мужа, безмятежно болтала, рассказывая ему, какое чудесное мясо она запланировала приготовить для его друга.

Перед самым выездом из города «Мазда» резко затормозила и, включив правый поворот, повернула на боковую улицу. Венедикт незаметно

для жены облегченно вздохнул.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1006 год до рождества Христова

1

Был прекрасный ранний вечер середины весны. Склоны холмов, окружающих дворец, были покрыты желтым ковром фумана. И его аромат нагло носился по улицам столицы, докладывая каждому встречному о приходе весны. И население столицы радовалось этому событию.

Из оконных проемов во дворец доносилась разноголосица пения птиц, радовавшихся наступлению тепла после зимней непогоды.

Но не все обращали внимание на этот праздник весны. В огромном сумрачном зале дворца на большом, искусно украшенном лучшими мастерами государства, троне в глубокой задумчивости сидел средних лет мужчина.

Длинные, ниже плеч, светлые, слегка волнистые волосы, красивые выразительные голубые глаза, светлокожее, слегка удлинненное, правильное и очень приятное лицо, украшенное не длинной, но густой курчавой русой бородой. Все эти признаки свидетельствовали, что этот мужчина

не принадлежал колену Иуды.

Царь Давид отрешенно сидел на троне, машинально играя одним из многочисленных великолепных перстней, украшающих его тонкие длинные пальцы. Он был сильно взволнован терзающими его мыслями.

Не совладав с нахлынувшими эмоциями, резво вскочил с трона и заметался по залу, чем очень озадачил замерших придворных, не смеющих пошевелиться, чтобы не вызвать гнева владыки государства.

К этому времени за плечами у него, сына ефрафянина из Вифлеема Иудина по имени Иессея, уже был, занявший несколько десятилетий, путь. Непростой, полный лишений, трудностей путь от простого пастуха до царя, помазанного в Хевроне на царство старейшинами всех еврейских колен. И став царем, Давид, воплощая свою мечту о создании нового, могучего государства, повел за собой шестьсот филистимских воинов под командованием Иттая на штурм казавшегося неприступным иевусейского Иерусалима.

Город, не выдержав натиска искусных, закаленных в многочисленных кровавых битвах, воинов, пал на милость победителя. В благодарность за ту беспрецедентную битву царь Давид назначил Иттая одним из своих генералов, пользующимся его безграничным доверием.

Завоевав Иерусалим, царь Давид через несколько лет посредством постоянных кровавых боев с многочисленными коленами сонмища народностей, населяющих тогда рассматриваемую территорию, опираясь как на местную иевусейскую жреческую касту, так и на наемников с Крита и из Филистии, основал собственное еврейское государство. О создании его он мечтал долгие годы.

И основанием Израиля царь Давид вписал свое имя на веки вечные в историю. И в наши дни о нем с благодарностью и глубочайшим почтением вспоминают жители еврейского государства.

Давид в первые годы своего царствования построил для себя и своего гарема жен великолепный дворец, который стал одной из жемчужин столицы.

А скоро в старый храм Бога новой столицы Израиля была перенесена и главная святыня еврейского народа — Ковчег Завета с лежащими в нем скрижалями, полученными пророком Моисеем от Бога Сабаота на горе Синай.

Только после того, как Давид почувствовал, что окончательно укрепился на троне, а в Израиль пришел долгожданный мир, он решил, что настало время для исполнения еще одной своей сокровенной мечты и начать строительство в Иерусалиме нового величественного Храма единственного Бога на Земле — Сабаота.

Старый храм совсем обветшал и уже не вполне отвечал требованиям восхваления Его верующими. Но не только для этого он должен был строиться. Давид преследовал еще одну заветную цель. Возведение нового Храма Бога способствовало бы объединению все еще разобщенного, разделенного на отдельные колена, народа в единую еврейскую нацию, а заодно превращало бы Иерусалим в подлинную столицу Израиля.

Но построить новый, достойный великого Бога, храм совсем не просто. На это уйдет и много лет непомерно тяжелого труда, и потребуются огромные суммы денег на оплату труда опытных мастеров и на покупку достойных материалов.

Надо бы посоветоваться по этому вопросу со своим дворцовым пророком и старинным другом Нафаном. С ним Давид был знаком еще будучи простым воином, совершающим вместе с другими лихими воинами набеги на различные колена. В отряде воинов был и Нафан, с которым они не раз спасали друг друга в минуты опасности, делили иной раз последние кусок хлеба и глоток воды. И став царем, Давид приблизил его к себе, назначил своего друга дворцовым пророком и всегда прислушивался к его мудрым советам.

Приняв такое решение, царь Давид остановился, повернулся к одному из придворных,

замершему недалеко от трона со сложенными на груди руками, в ожидании указаний повелителя.

— Передайте придворному пророку Нафану мое повеление прибыть, не медля, ко мне.

Придворный поклонился почтительно и неслышно исчез для выполнения воли царя.

Через несколько минут послышался шум шагов и в зал с поклоном вошел придворный пророк, друг и советник царя Нафан.

— Пусть будут благословенны твои года, — почтительно кланяясь, произнес он. — Как поживают твои жены и дети, господин? Все ли здоровы?

— Спасибо, спасибо, Нафан, — нетерпеливо воскликнул Давид. — Давай оставим все эти условности на потом. У меня к тебе есть важное дело и негоже тратить время на пустословие.

— Мой повелитель, я слушаю тебя.

— Оставьте нас одних, — распорядился Давид придворным. Дождавшись, когда слуги покинут зал, он нетерпеливо взмахнул рукой — Садись, мой друг, справа от меня. — Давид помолчал, ожидая, когда Нафан устроится рядом с его тронном. — Хочу поделиться с тобой, мой верный друг, своей сокровенной мечтой, которую я вынашиваю уже долгие годы. Извини, что раньше не делился ею с тобой. Не время было для ее воплощения. Но сейчас, мне кажется, настал

момент, когда я могу ее осуществить. Я думаю, что многого достиг за свою долгую жизнь, и теперь пришла пора начать воплощение моей мечты. Я хочу построить в Иерусалиме новый достойный Господу Богу Храм. Наш старый Храм за долгие годы и невзгоды совсем обветшал и уже не достоин Бога. А мы построим грандиозный, великолепный Храм и из него в мир будет изливаться истина единого бога Сабаота, наполняя благостностью сердца всех истинно верующих. Я хочу, чтобы этот Храм стал не просто главным, а единственным местом, где осуществлялись бы предписанные Законом пророка Моисея священные службы. После окончания его строительства жертвоприношения и богослужения в любых других местах будут мною запрещены.

Нафан внимательно, не перебивая повелителя, слушал его взволнованную речь.

— Понимаешь Нафан, — горячо продолжал царь, — этот новый Храм должен будет способствовать объединению всего разобщенного, разделенного на отдельные племена, народа, в непобедимую единую еврейскую нацию. Обретя этот Храм, Иерусалим превратится в подлинную столицу Израиля. Что ты можешь сказать о моих планах, мой друг? Говори, только откровенно. Мне очень важно знать мнение главного дворцового пророка и моего старого испытанного друга,

которому я верю, как самому себе.

Взволнованный Нафан вскочил с кресла и заметался перед царем. Такую вольность перед царем Давидом мог позволить себе лишь придворный пророк и друг, знающий немало секретов из жизни своего повелителя. Другого кого за подобную выходку ждало бы суровое наказание.

— Мой господин и мой старый друг, я горячо одобряю твои замыслы. Ты построишь новый Храм Господа нашего Бога и будешь восхвалять Сабаота за те блага, что он милостиво дает тебе и твоему народу. Ты обязательно построишь этот Храм, и наш всемилостивейший Господь будет тебе помогать в этом богоугодном деле. Ты хотел услышать мое мнение, и ты его услышал.

— Я услышал тебя, мой верный и преданный друг. Спасибо, Нафан, за твою поддержку и понимание, — Давид радостно потер руками. — Я не сомневался, что ты поймешь меня и мои помыслы. Завтра же, не откладывая дело в долгий ящик, я начну искать место для строительства Храма для Бога.

— Да благословит тебя Господь на это богоугодное дело, мой господин.

— Спасибо, Нафан, за твои слова. Они пролились бальзамом на мою душу. А теперь ступай с Богом. Я хочу еще поразмыслить в одиночестве над воплощением своего плана.

Почтительно поклонившись, Нафан с достоинством вышел из зала, оставив своего господина сидящим на троне в глубокой задумчивости.

2

Вечером пророк особенно горячо возносил молитвы Господу Богу и просил его благословить царя Давида на строительство нового храма для Него.

Далеко за полночь, он решил, что достаточно убедительно поведал Богу о планах своего господина и друга, и удовлетворенный лег спать. В ту ночь, взволнованный грандиозными планами царя на строительство Храма, он долго беспокойно ворочался на своем ложе. Демон сна никак не хотел раскрывать над ним свои благостные крылья. Уже когда солнце начинало просыпаться, сон, наконец, сморил пророка.

Но как только он отдался ему, в его жилище засветился неяркий голубоватый свет, потревожив чутко спящего Нафана. Перепуганный пророк вскочил с ложа и с благоговейным трепетом услышал льющийся с неба голос самого Господа Бога. Услышав с небес Сабаота, он упал на пол и, не смея пошевелиться, даже поднять вверх глаза, лежал смиренно распростертый, чутко ловя каждое

слово, адресованное ему.

— Любезный мне пророк Нафан, — возглашал голос с небес, — зачем ты поддержал царя Давида в его помысле возвести новый дом для меня? Особенно меня огорчило и то, что одобрил ты его от своего и от моего имени.

В своей поддержке царя, ты, мудрец, не принял во внимание, что Храм мой — это символ любви и мира между всеми народами. Как может его воздвигать Давид — царь-воин, царь-тиран, проливший немало людской крови в своей жизни, принесший им неисчислимое горе? Пусть это и была кровь врагов, убитых в честном бою, пусть это и будут исковерканные судьбы недругов его, — голос вдруг неожиданно перестал литься с небес. И только спустя продолжительное время, когда он уже потерял надежду, Нафан неожиданно услышал: — Передай рабу моему Давиду мою волю. Великая и почетная миссия сооружения Храма Господнего будет исполнена не им, а тем, кто унаследует трон Давида.

Когда истекнут дни его жизни, и Давид упокоится с отцами своими, Я восставлю после него семя его, которое произойдет из чресл его, и упрочу царство его. Он придет на смену Давиду и станет царем Израиля. И будут чисты его руки и помыслы. Он построит дом имени Моему, и Я утвержу престол царства его навеки. Я буду ему

отцом, и он будет Мне сыном.

Таинственный свет в жилище пророка вдруг погас, и наступила глубокая тишина, изредка и робко нарушаемая лишь взволнованным дыханием обескураженного и бесконечно огорченного словами Сабаота Нафана.

Едва дождавшись утра, не выспавшийся, до крайности утомленный, с воспаленными красными глазами, он прибежал во дворец царя и попросил повелителя принять незамедлительно своего покорного недостойного слугу, чтобы поведать ему об очень важном сообщении для него.

Получив разрешение, он, едва сдерживая переполняющее его и рвущееся наружу волнение, с покорным поклоном вошел в покои царя, где тот отдыхал на своем ложе после ублажения одной из своих жен.

— Нафан, друг мой верный, почему ты так взволнован? — безмятежно поинтересовался Давид, возлежа на ложе. — Что за неотложное дело привело тебя ко мне в столь ранний час? Почему ты не отдыхаешь после своих трудов праведных? Что вынуждает тебя нарушить мой покой?

Нафан беспокойно оглянулся, оглядывая многочисленных придворных, замерших в ожидании распоряжений господина.

— Повелитель, вели придворным оставить нас одних. Мое сообщение очень важное, и

предназначено оно только для твоих ушей.

— Оставьте нас одних, — повелел встревоженный Давид придворным, весьма обеспокоенный словами друга.

После того, как все придворные покинули покои царя, пророк, не смея поднять глаза на своего повелителя, поведал ему о том, что произошло ночью. Стараясь не пропустить ни одного слова, произнесенного Богом, почти дословно передал он слова Сабаота, произнесенные ему, недостойному слуге повелителя, для Давида.

Царь, крайне взволнованный сообщением Нафана, вскочил со своего ложа, набросил на плечи длинный халат и заметался по покоям, нервно теребя перстень на пальце. В покоях надолго повисла тревожная тишина, нарушаемая лишь звуком торопливых шагов царя по полу.

Приняв решение, Давид, не спеша, с достоинством, подошел и занял свое место на троне. Придворный пророк в поклоне замер, ожидая слова повелителя.

— Я согласен с моим Господом, — хрипловатым от волнения голосом негромко произнес Давид. — Я — царь-воин. За свою жизнь я, действительно, пролил немало людской крови в многочисленных битвах, стараясь создать государство израилево. Говоря фигурально, мои руки по локоть в крови. Но я должен отметить, что

делал это я не развлечения ради. Я создал на земле новое могучее государство, которое будет стоять многие века. Но, Нафан, что значат слова Господа Бога «...восставлю после него семя его, которое произойдет из чресл его»? Ты ничего не перепутал, друг мой?

— Нет, мой господин, я передал тебе слова Бога дословно.

— Но из них следует, что ни одному из моих сыновей не дано стать моим наследником. Будущему царю великого государства и строителю Храма во имя Господа Бога еще только предстоит родиться.

— Да, мой господин, Бог ясно высказался по этому поводу.

— Хорошо, Нафан, я исполню Его волю. Не скрою, друг мой, я очень опечален решением Господа Бога. Но я покорно подчинюсь завету Его. Вероятно, Сабаот решил, что я, царь Давид, полностью исполнил долг свой, создав государство израилево. Объявляю волю свою — первый из сыновей, который родится от одной из моих жен, будет мною объявлен моим наследником. Он будет помазан на царство и исполнит завет Его. А теперь ступай. Я должен, как следует подумать над словами Бога.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Надежда хлопотала на кухне, готовя угощение для дорогого гостя. Венедикт суетливо помогал ей, с нетерпением поглядывая на часы. Скоро уже все было готово, и супруги слонялись по дому, не зная, чем заняться в ожидании гостя. Прошло уже пять часов после приезда друга, а его все не было. И эта задержка почему-то очень тревожила Венедикта.

— Ну, где его носит? У меня жаркое перестоит в духовом шкафу, — занервничала уже и Надежда.

— Надеюсь у него все в порядке. Наверно, зацепился за что-нибудь, или кого-нибудь, — успокаивал Венедикт жену, сам уже не особо веря в свои слова. — Может, на работе возникли какие-то непредвиденные ситуации. На работе всякое случается.

Он подошел к окну и выглянул во двор. Солнце уже клонилось к закату, почти докатившись до верхушек деревьев, стоящих напротив окна. В кармане нетерпеливо завибрировал и назойливо зазвонил мобильник. Венедикт торопливо достал телефон и, взглянув на экран, очень удивился, увидев, что звонит Верещагин.

— «Странно, чего это он мне звонит? Мы же

только вчера с ним виделись. Вроде все с ним обговорили по текущим делам».

— Здравствуйте, Антон Павлович, слушаю вас.

— Здравствуй, Венедикт, — донесся из трубки приглушенный голос. — Ты сейчас у себя в деревне?

— Да, я дома. А что произошло?

— Тут, понимаешь ли, у нас в городе произошло дорожно-транспортное происшествие. Недалеко от проходной сталелитейного завода на пешеходном переходе был сбит мужчина. Не приходя в сознание, человек скончался.

Венедикт почувствовал, как сжалось его сердце в предчувствии непоправимого.

— Антон Павлович, только не говорите мне, что фамилия погибшего мужчины Серов.

— Ты знаешь его? Это, действительно, Серов Виктор Николаевич. Во всяком случае, об этом свидетельствуют его документы, обнаруженные в кармане костюма.

Венедикт почувствовал, как кровь отливает от его лица. Он стоял еще с десяток секунд, стараясь справиться с охватившим его волнением. Верещагин терпеливо ждал, понимая состояние охваченного горем друга.

— Антон Павлович, я, не скрою, что шокирован и очень огорчен вашим сообщением о

гибели моего друга. — Венедикт почувствовал, как непроизвольно увлажнились его глаза. Он смущенно вытер их ладонью и, сглотнув неожиданно вставший в горле комок, тяжело вздохнул и профессионально поинтересовался. — Какие-нибудь вещи при погибшем были?

— Извини, Венедикт, за недобрую весть. Мне искренне жаль твоего друга и тебя, — голос Верещагина стал еще глуше. — Нет, никаких носильных вещей при нем не было. Мы обнаружили при нем документы, мобильный телефон, кошелек с деньгами и ключи, вероятно, от дома или квартиры. Больше ничего не было. Мы проверили его телефонную базу в мобильном телефоне и обнаружили в ней и твой номер. Я подумал, что ты можешь знать его, поэтому и звоню тебе.

— Я его прекрасно знаю. Это мой старинный друг. Он приехал в наш город в командировку на сталелитейный завод. И мы должны были с ним встретиться у меня в доме, после того, как он уладит там все свои дела. Когда я его встречал на вокзале, при нем был «дипломат». Кожаный, коричневого цвета.

— Нет, никакого «дипломата» при нем не было. А почему ты спрашиваешь о нем?

— Странно, куда же он делся? — Венедикт задумался на мгновение и продолжил: — Что-то

мне подсказывает, Антон Павлович, что это было не банальное дорожно-транспортное происшествие, а целенаправленное убийство. И целью убийства было завладение «дипломатом». Антон Павлович, я бы вам порекомендовал выяснить на всякий случай, по какому вопросу приехал на предприятие в командировку Серов?

— Спасибо, Веня, за ценную информацию. Если исчез «дипломат», то, похоже, что ты прав и целью убийства, действительно, является его похищение. Сейчас я займусь уточнением, был ли у него «дипломат», когда он выходил из завода? Может он его где-нибудь оставил на хранение? А ты не собираешься приехать в город? Надо бы опознать тело погибшего, да и поговорить нам с тобой будет совсем не лишним. Может, подъедешь к нам завтра с утра? Сегодня уже поздно.

— Ничего не поздно. Я приеду в город сегодня же. До утра еще целая вечность. И что я буду делать дома эту самую вечность? Нет уж, через несколько минут я выезжаю.

— Хорошо, приезжай сегодня. Я буду тебя ждать у себя в кабинете. К этому времени я, может, буду иметь дополнительную информацию по данному преступлению.

— Антон Павлович, осмелюсь напомнить, что ваш рабочий день уже давно закончился. — Венедикт взглянул на часы, — уже два часа назад.

А я приеду еще не скоро.

— О чем это ты, Венедикт? Я буду ждать тебя хоть до утра, — Верещагин тяжело вздохнул в трубку, — Как говорится в песне — покой нам только снится. Без всяких там сантиментов и сомнений, приезжай. Буду ждать. Все, до встречи. Надежде передавай привет от меня.

— Спасибо, передам. До встречи, — Венедикт дал отбой и мрачно взглянул на вошедшую в комнату Надежду.

Увидев побледневшего и мрачного мужа, она подскочила к нему.

— Что случилось, дорогой? — с тревогой спросила она, заглядывая мужу в глаза.

— Виктора у проходной завода сбила машина. От полученных ран он скончался на месте. Когда приехала скорая помощь, он уже был мертв. Я думаю, что это было убийство. И подозреваю, что связано оно с тем, что находилось в его исчезнувшем с места преступления «дипломате».

— Но что там могло быть такого, из-за чего нужно было убивать человека? — с болью в голосе произнесла расстроенная Надежда. Она вопросительно посмотрела на мужа и, не дождавшись ответа на свой риторический вопрос, предложила: — Давай проанализируем всю имеющуюся у нас информацию по этому вопросу. Мы знаем, что там были две бутылки с напитками.

И, вероятно, лежали какие-то документы, связанные с его командировкой на завод. Что-то же он привез с собой в командировку для решения каких-то служебных вопросов?

— Да, дорогая, ты, наверно, права. Насколько я знаю, завод, куда приехал Виктор ничем секретным не занимается. Так что маловероятно, что документы, которые он с собой привез, были секретными, и представляли для кого-нибудь какой-нибудь повышенный интерес. Но там была еще одна вещь. И тогда все это происшествие приобретает совсем другую окраску.

— О какой вещи ты говоришь, дорогой? — удивилась Надежда.

— Виктор в вагоне успел мне сказать, что привез мне необычный подарок. Какой-то лист с рисунком и словом, но ничего конкретного он не сказал. Я не особо и интересовался подробностями. Рассчитывал на то, что через несколько часов мы с ним обо всем подробно поговорим. Черт меня побери! — Венедикт почувствовал, как закипает в нем негодование. — У Витьки остались молодая жена и двое малолетних детей! Это какой-то кошмар! — эмоционально воскликнул он.

Он на мгновение задумался, тяжелым взглядом посмотрел на жену и мрачно продолжил: — У меня начинает складываться впечатление, что все, кто хоть как-то связан со мной, обязательно

безвременно погибают. Я, как магнит, притягиваю к своим близким смерть. Вот и до друзей уже очередь дошла. Как ты думаешь, может, зря ты настояла на нашем браке?

— Венечка, ты утрируешь. Ты успокойся, дорогой. Твоя голова должна быть свободна от всех глупых мыслей. Тебе надо быть сильным, обязательно найти убийцу Виктора и наказать его. И, я уверена, ты сможешь это сделать, хотя бы ради оставшихся сиротами двух маленьких детей, — Надежда положила руки на плечи Венедикта и, приподнявшись на носки, ласково поцеловала его. — А по поводу нашего брака могу тебе сказать, что я ни на мгновение не пожалела о своем решении выйти за тебя замуж. И пусть мое замужество будет коротким, умирая, я буду благодарить тебя за доставленные мне мгновения счастья.

— Спасибо, Надя, за поддержку. — Венедикт погладил жену по длинным шелковистым волосам. Он притянул ее к себе и зарылся в ее волосах. — Я обязательно найду убийцу. В лепешку разобьюсь, но найду! — Он отодвинулся и прижался губами к ее щеке, вдыхая аромат ее тела, волос. — А умирать ты не торопись. Мы с тобой еще, надеюсь, проживем. Ты мне еще должна наследника родить, чтобы не прервалась моя генеалогическая цепочка.

Услышав его слова о наследниках, Надежда

прижалась к широкой груди мужа, и замерла в несвоевременной истоме, ощущая его мощное сердцебиение.

— Сейчас я поеду в город, — нарушил Венедикт наступившую идиллию. — Мне нужно встретиться с Верещагиным. После получения от него какой-нибудь дополнительной информации мы и будем думать, что нам делать дальше. А пока разговор на эту тему бессмысленен.

— Я поеду с тобой, поведу машину. Ты сейчас в таком состоянии, что не сможешь ее вести. Еще не хватало, чтобы ты попал в аварию!

— На дворе скоро ночь наступит. Куда ты поедешь, на ночь глядя? Отдыхай, — неуверенно проговорил Венедикт, понимая, что жена права.

— Как ты можешь такое говорить!? Да как тебе даже в голову могли прийти такие мысли!? Ты в таком состоянии поедешь за полторы сотни километров, а я перед сном выпью тепленького молочка, лягу в мягкую кроватку, накроюсь теплым одеяльцем, и спокойно буду спать?! — не на шутку рассвирепела Надежда. — Я поеду с тобой, поведу машину. Такого мое решение, и это не подлежит обсуждению. Как у тебя только язык повернулся сказать такое мне!?

— Хорошо, хорошо, дорогая. Иди, собирайся, — смутившись, согласился Венедикт, не выдержав напора жены.

Верещагин сидел за столом и мрачно изучал документы, лежащие перед ним, когда в кабинет вошли Венедикт и Надежда. Поздоровавшись с вошедшими, начальник отдела полиции жестом пригласил их располагаться в стульях напротив его стола. Венедикт нетерпеливо ерзал на стуле, вопросительно глядя на друга.

— Что я могу тебе сказать по поводу этого происшествия? — Антон Павлович нервно погладил лысину. — Суть происшествия ты уже знаешь. А что касается его «дипломата»... Когда он выходил из проходной завода, «дипломат» был при нем. Об этом свидетельствуют и сотрудники, у которых он был на встрече, и сотрудники охраны на проходной. А после происшествия, когда прибежали охранники с проходной, «дипломата» при нем уже не было. Нам удалось даже разыскать свидетеля происшествия. Это дед, прогуливающий свою собаку недалеко от проходной. Он видел, как черная иномарка сбила переходящего на зеленый свет светофора мужчину и, переехав его, резко затормозила. Да так, что был слышен визг тормозов, сдала назад, остановилась на мгновение у трупa, и потом быстро уехала. Свидетель и вызвал полицию по мобильному телефону.

— А он назвал марку машины, может, заметил ее номер?

— Да, эти сведения он нам дал. Как это ни странно, при всем том, что у него уже довольно солидный возраст, и зрение и память у него — дай Бог каждому. Только толку от этого было мало. Я объявил машину в поиск и меньше, чем через час сотрудники патрульной машины ДПС доложили, что разыскиваемая нами машина была обнаружена в нескольких кварталах от места происшествия.

— В любом более или менее приличном детективе в данной ситуации было бы написано, что машина была в угоне?

— Да, Венедикт, ты прав. Машина — в угоне. И ее хозяин ни сном, ни духом не ведает о том, что на его машине совсем недавно совершено преступление. У него на момент преступления железобетонное алиби. Это нами стопроцентно доказано. Сейчас машина у экспертов, но шансов, что там обнаружат что-нибудь, что прольет нам свет на преступление, крайне мало. Предварительно, неофициально эксперты мне доложили, что никаких следов преступников в машине нет. Мне кажется, это сработали профессионалы. Во всяком случае, сделано все очень аккуратно. Единственно, что нам удастся обнаружить — это следы от наезда на человека. От этих следов так быстро не избавиться.

На несколько мгновений в кабинете наступила тишина.

— То, что нет никаких следов, это очень плохо. У нас нет пока никаких сведений, чтобы начать расследование. Антон Павлович, а что сотрудники завода говорят о целях командировки Серова?

— С этой точки зрения никаких зацепок. Командировка малозначимая. Я бы сказал, что она, в некотором смысле, символическая, чтобы посетить город и встретиться с тобой. Никаких ни коммерческих тайн, ни тем более государственных, на встречах не рассматривались. Да и не работал Серов ни с чем таким. Единственно, что можно предположить, это его какая-то дополнительная деятельность, не связанная с основной. Ну, или, — Верещагин исподлобья бросил мгновенный взгляд на Венедикта, — какие-то личные мотивы. Допустим, семейные.

Венедикт уловил этот взгляд, грустно усмехнулся и с кривой улыбкой посмотрел на Верещагина.

— Антон Павлович, я знаю Виктора уже лет двадцать как. Никаким дополнительным заработком он не занимался. Он был полностью удовлетворен той жизнью, которую вел в своем поселке. А личное... Жену он свою любил безумно, предан ей бесконечно. Имеет двух чудесных

малолетних детей, которых обожает. Нет, это убийство, на мой взгляд, связано с чем-то другим.

— И ты знаешь с каким?

— Веня, расскажи Антону Павловичу о той вещи, которая была у Виктора в «дипломате», — Надежда положила руку на колени мужа, поддерживая его, помогая справиться с вполне объяснимым в данной ситуации волнением.

Струкачев взглянул с благодарностью на жену, скорбно вздохнул и ссутулился.

— Что за предмет он имел в «дипломате»? — настойчиво поинтересовался Верещагин.

— Чтобы вы лучше поняли ситуацию, мне нужно несколько слов сказать в качестве предыстории. Когда мне было четырнадцать лет, я ездил к своим родственникам на летние каникулы в поселок, где родился и вырос и откуда приехал Серов. Там я с ним и познакомился, когда проводил свое первое в жизни расследование преступления. Там же я познакомился с Александром по кличке Архангельский. Этот Саша и сейчас живет и работает в Архангельске на каком-то заводе. Я, честно говоря, даже не знаю, на каком. По словам Виктора, несколько лет назад Саша был в Палестине в командировке, и привез оттуда лист бумаги, запечатанный в бутылке. Правда, когда он покупал бутылку, он не знал, что в ней находится. Просто понравилась необычная старая, покрытая

толстым слоем грязи, бутылка. Горлышко у бутылки было залито сургучом. И на сургуче красовалась печать в виде круга и буквы «А» в центре. В один прекрасный день Саша открыл бутылку, надеясь найти там чего-нибудь интересное. Но к своему разочарованию в бутылке был только один небольшой листок. Красивую, необычной формы бутылку Саша оставил себе на память, а лист он подарил Серову. Виктору этот лист был совершенно не нужен. Зная, что я равнодушен ко всему необычному, мистическому, он привез его мне. Но подарить его мне из-за своей скоростижной смерти не успел.

— Ты хочешь сказать, что это убийство произошло из-за какого-то там листа? Что это за лист? Что на нем было такое написано или нарисовано, что человек из-за этого поплатился жизнью?

— Если у вас, Антон Павлович, нет других мотивов убийства, то почему бы не принять эту версию за вероятную? А на листе, по словам Серова, был нарисован круг со звездой Давида внутри, и рядом было написано какое-то слово. Виктор совершенно не интересуется подобными вещами, поэтому он даже не рассмотрел подарок подробно. Это все, что мне пока известно об этом листе.

— Понятно. Вероятно, этот знак и слово для

кого-то были настолько ценными, что он не побоялся пойти на убийство. Ну, что ж! Версия выглядит правдоподобной. Только знаешь, Венедикт, чует моя печенка, что, если мы начнем расследование этого преступления, мы обязательно наткнемся на мистику.

— Вы скоро станете великим знатоком мистики, Антон Павлович, — невесело рассмеялся Венедикт.

Надежда с тревогой посмотрела на мужа.

— Веня, может, пронесет, а? Я так не люблю всю эту мистическую мишуру. Уж лучше что-нибудь из реальной жизни. Мне как-то спокойнее будет.

— Нет, Надежда. Венедикт начинает чахнуть, если в его жизни не происходит что-нибудь, выходящее за рамки реализма. Так что привыкай постепенно. — Верещагин повернулся к Струкачеву. — Но ты же понимаешь, Венедикт, что если дело будет пахнуть мистикой, тебе придется подключиться к расследованию. Правда, это не очень хорошо, привлекать тебя для расследования убийства твоего друга. Ты будешь очень заинтересованным в его результате. Это может тебе помешать. Но выбора у нас особо и нет. Других специалистов-то по мистике у нас нет. — Верещагин взглянул на часы. — У, времени-то сколько. Уже за полночь давно перевалило. Давайте

расходиться, пожалуй. Продолжим наш разговор завтра. Вы где спать будете?

— Мы в наш офис сейчас поедem, — Венедикт вопросительно взглянул на жену. Увидев ее согласный кивок, продолжил: — Будем спать на моем любимом диване.

— Так там двоим места мало, насколько я помню этот диван. Как вы там сможете разместиться?

— Ничего нам не впервой. Мы в два этажа расположимся, — рассмеялся Венедикт, и посмотрел на смущенную жену. — Только, чур, я на втором сплю.

— Вот болтун противный, — покраснела Надежда. — Поехали уж отдыхать.

— Ребята, так может, вы у меня переночуете? У меня места много. Жена только рада будет.

— Особенно она будет рада, что мы ввалимся к вам в два часа ночи. Да нет, спасибо. Мы уж у себя проведем эту ночь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На следующее утро, Венедикт, оставив Надежду в офисе, отправился к Верещагину узнать, что тому удалось разузнать нового по убийству Серова.

— Что тебе сказать по этому делу? По своим

каналам мы разыскали Александра Степановича Козлова, известного тебе по кличке Саша Архангельский. Я попросил местных полицейских допросить его по данному вопросу. Они обещали мне сделать это и выслать по электронной почте.

— Спасибо за информацию, Антон Павлович. Я вам тоже хочу преподнести дополнительные сведения. Вчера был такой суматошный день, что мне не хватило времени поделиться с вами всем, что я знаю по этому преступлению. Когда мы встретились с Виктором, к нам подошла молодая женщина, чтобы с ним попрощаться. Я успел узнать, что он, развлекая свою смазливую попугицу, рассказал ей о листе, который вез мне в подарок.

— Тебе еще что-нибудь известно об этой особе?

— Ничего, кроме того, что ее зовут Ольгой, и, по словам Виктора, она увлекается старыми артефактами.

— Ну, это хоть что-то. Очень интересную особу ты описал. А ты сможешь помочь нашим специалистам ее нарисовать и опознать при встрече?

— Смогу и помочь нарисовать и опознать при встрече. Я ее хорошо запомнил. Молодая, красивая, брюнетка. Не худая. Из серии тех, кто в самом соку.

— Прекрасно. После нашей встречи, пойдешь

к нашему компьютерщику и составишь ее фоторобот.

— Сделаем. Если эта особа причастна к гибели Серова, то, наверняка, у нее есть сообщники. У нее было очень мало времени, чтобы одной подготовить и провести эту операцию. Вероятно, она позвонила из поезда своему сообщнику и, когда поезд прибыл на станцию, он уже ждал ее на угнанной машине.

— Согласен с твоими выводами. Был, правда, у сообщников риск, что Серов отправится сначала к тебе в деревню, и тогда выполнение операции намного усложнилось бы.

— Да, если этот болтун не доложил ей о том, что сначала отправится на завод, чтобы завершить свои командировочные дела, и только потом поедет ко мне. Но это мы сможем узнать, только когда поймаем преступников. К сожалению, Виктор уже не сможет удовлетворить наше любопытство. И еще одно обстоятельство...

— О чем это ты?

— Эта самая Ольга является ведьмой, и ведьмой достаточно сильной.

Верещагин удивленно смотрел на друга, не зная, как воспринимать новость.

— Начинается! Моя печенка, сдается мне, меня не подвела. Полезла мистика... Венедикт, ты можешь пояснить, что это нам дает в деле

расследования преступления?

— Пока я могу только констатировать этот факт, и предупредить, что это может несколько осложнить нашу работу.

— Дорогой друг, после знакомства с тобой я что-то очень часто стал сталкиваться с чертями, ведьмами и прочими мистическими особями. Ты их притягиваешь, как магнит.

— Антон Павлович, — рассмеялся Венедикт. — Это лишь подчеркивает тот факт, что плохо мы знаем окружающий нас мир.

Зазвонил служебный телефон. Верещагин поднял глаза на Венедикта и многообещающе кивнул головой.

— Да, начальник отдела полиции майор Верещагин слушает.

Верещагин несколько минут слушал доклад по телефону, изредка делая какие-то записи в своем рабочем блокноте. Венедикт сидел молча, обдумывая свои планы на ближайшее время.

— Спасибо, капитан, — произнес он в трубку. — Я у тебя в долгу. Если нужна будет помощь, обращайся. Всегда готовы оказать вам посильную помощь. Ага... всего доброго!

С полминуты Верещагин сидел молча, рассматривая свои записи в блокноте.

— Ну, что тебе сказать, Венедикт. Как ты, наверно, догадался, звонили из Архангельска.

Местные ребята поговорили с Козловым. Вот что они выяснили. Действительно он привез из Пакистана старую, очень оригинального вида бутылку. Сразу было видно, что бутылка доисторическая. Она была залита сургучом, и на нем ясно была видна печать в виде круга с буквой «А» посередине. На ней были какие-то надписи, но он их не рассматривал и, недолго думая, взломал печать. В бутылке находился кусок пергамента из кожи. На вид очень древний. На нем были нарисованы круг, в нем звезда и буква «Х». Никакого слова больше не было. Вот все, что нам интересно для расследования.

— А какая звезда была нарисована, Антон Павлович?

— А! Вот это-то, наверно, самое интересное. Твой друг сказал, что на листе была нарисована звезда Давида, а на самом деле — это была звезда Соломона.

— Антон Павлович, я, признаться, не очень силен в звездах. Между ними есть какие-нибудь различия?

Верещагин довольно рассмеялся. Значит, есть хоть что-то в этом мире, в чем он сильнее Венедикта.

— Представь себе, есть, — засмеялся он, довольно потирая руки. — Я признаюсь, что тоже ничего не знал о звездах. Архангельские ребята

меня просветили, что звезды Давида — шести лучевые и используются они при ритуалах по открытию каких-то знаний, а звезда Соломона — пяти лучевая и применяется при закрытии чего-нибудь. Что это означает конкретно, я не знаю. Тамошние сотрудники — тоже. — Верещагин хотел еще что-то сказать, но Струкачев дальше уже не захотел слушать, не посчитал это нужным.

— Вот оно в чем дело, — Венедикт от волнения не обратил даже внимание, что вскочил с кресла и заметался по кабинету. — Вы понимаете, Антон Павлович, важность этого сообщения? Нет?!

Верещагин недоумевающе смотрел на мечущегося по его кабинету возбужденного друга.

— Ну, это же очень просто. Кто-то нам дает понять, что некто закрыл что-то в чем-то и спрятал где-то. А буква — это подсказка, где спрятано это что-то.

— Венедикт, ты произнес столько много местоимений, что я в полнейшей растерянности.

— Я тоже. Под этими местоимениями скрыты конкретные объекты. Ну, скажем так, иксы, игреки и прочие буквы греческого алфавита. И нам нужно вместо них поставить конкретные значения. А раскрыть их точные названия, назначения — это наша с вами задача.

— Ты серьезно думаешь, что я буду разбираться в этой абракадабре? Ну, уж нет. Меня

из списка претендентов на раскрытие этой тайны, можешь спокойно вычеркнуть. Тем более, что моя насквозь пропитая старая печенка настойчиво твердит мне, что все эти иксы и прочие буквы латинского алфавита, наверняка, связаны с мистикой. Я стар и немощен для этих ваших игр. Мне бы простое убийство, с реальным подозреваемым... Вот здесь я развернулся бы. А ты мне подсовываешь какие-то иксы и игреки. Нет, нет и еще раз нет! Меня от такой работы уволь. Окажу тебе любую возможную помощь, но только «окажу», заметь. Все это дерьмо ты уж выгребай сам. Можешь привлечь для черной работы своих сотрудников. Они у тебя один лучше другого.

— Антон Павлович, пока ничто не говорит, что дело будет связано с мистикой. А сотрудники у меня, действительно классные. Мы с ними уже не одно дело успешно провернули.

— А звезда Соломона? Нет, Венедикт, ты меня не введешь в заблуждение своими успокаивающими разговорами.

— А что звезда? Соломон, это известная историческая личность. И о звезде достаточно много известно.

— Но почему-то рисунок со звездой Соломона и таинственной буковкой был засунут в бутылку, опечатан сургучной печатью и брошен неизвестно кем, неизвестно когда, и неизвестно куда. Нет,

дружище, это мистика, язви ее душу. Я это своей насквозь пропитой печенкой чувствую.

— Согласен с вами. Это интересные вопросы. Вот и будем с ними разбираться совместно. Может быть, не исключая, и мистика выползет наружу.

Верещагин почти затравленно взглянул на Венедикта. Достал из ящика пачку сигарет, достал одну и оставшиеся раздраженно швырнул на стол.

— Кури!

— Спасибо, я бросил.

— Это в каком смысле? — машинально поинтересовался Верещагин.

— В самом прямом, Антон Павлович.

— Не понял, — удивленно произнес Верещагин. — Ты что, действительно, вот так просто взял и бросил курить? Ты еще скажи, что и пить бросил.

— Каюсь, бросил: и курить и пить.

— Ничего себе, известия! Ты, как, Венедикт, здоров ли?

— Что самое интересное, Антон Павлович, что после того, как я бросил курить и пить, я стал себя гораздо лучше чувствовать.

— Не могу поверить, что ты, человек, с которым мы выпили не одну бутылку, выкурили не один блок сигарет, и бросил и пить и курить! Да ты понимаешь, что только что ты меня без ножа зарезал!? — Верещагин, не на шутку

взволнованный, вскочил и заметался по кабинету.

— Так я не бросил пить. Но пью теперь исключительно кофе и чай. Ну, значительно реже потребляю водичку.

— Кофе и чай... А молочко ты не пьешь?

— Пью. И с большим удовольствием. Для моих лет расцвета моему цветущему организму это очень полезный напиток.

— Кошмар, ты меня убиваешь! — вскричал Верещагин, бегая по кабинету и негодуя взмахивая руками. — Все, замолчи! Мне даже противно тебя слушать. Он пьет молоко!.. Ужас!

— Успокойтесь, Антон Павлович. Надеюсь, тот факт, что я водке предпочитаю чай и кофе, не повлияет на наши взаимоотношения?

— Ну, не знаю, не знаю, — Верещагин, успокаиваясь, сел на свое кресло и с сомнением взглянул на Венедикта. — Над этим вопросом мне придется еще крепко подумать.

— Да тут и думать особо не над чем. Вы по-прежнему, мне друг и ничего, в сущности, не изменилось. Давайте лучше обсудим наш план действий.

Верещагин еще долго елозил на кресле, никак не успокаиваясь от полученных известий.

— Ладно, уговорил! Оставим на потом разборки с тобой по поводу твоего вопиющего, не влезающего ни в какие рамки разумного и

рационального, непростительного проступка, — недовольно пробурчал он, с осуждением глядя на Венедикта. — Рассказывай. Что ты планируешь сделать в ближайшее время?

Венедикт открыл рот, чтобы начать изложение своего плана, но его перебил стук в дверь.

— Войдите, — недовольно скривившись, крикнул Верещагин.

Дверь распахнулась, и в проеме возник дежурный по отделу.

— Товарищ майор, разрешите доложить?

— Докладывайте.

— Несколько минут назад в отделение полиции пришел гражданин Лукьянов Максим Владиславович и принес найденный в мусорном контейнере «дипломат».

— Где он? — взволнованный известием Верещагин вскочил с кресла.

— «Дипломат» у меня в сейфе, а гражданин Лукьянов — в дежурной части.

— Прекрасно, и «дипломат» и гражданина Лукьянова немедленно доставить ко мне в кабинет.

Через несколько минут в кабинете сидел старичок, а на столе лежал знакомый уже Венедикту коричневый «дипломат».

— Максим Владиславович, где вы нашли этот «дипломат»?

— Сегодня утром жена отправила меня вынести мусор, — старик нервно потер сухонькими ладонями. — Я мусор-то начал высыпать в контейнер, смотрю, а там чемодан этот лежит. Я его достал, смотрю, а он новый совсем. Такие вещи в мусор не выбрасывают. Я его открыл, а там две бутылки с алкоголем и какие-то бумаги. Чую я, что здесь дело не чисто. Кто ж просто так выбрасывает алкоголь? Это же супротив здравого смысла нормального человека. Я заскочил домой, переоделся и к вам.

— Вы все правильно сделали, Максим Владиславович. А где находится этот мусорный контейнер?

— Я проживаю на улице Пугачева, дом 17. А рядом и контейнер стоит. Аккурат напротив дома.

Верещагин хмуро взглянул на Струкачева.

— Это недалеко от того места, где была найдена угнанная машина. — Верещагин повернулся к Лукьянову. — Скажите, вы ничего не трогали в «дипломате»?

— Нет, я ничего не трогал, как можно! Разве ж мы не понимаем? Я когда увидел этот новый чемодан, так сразу понял, что он, наверняка, связан с преступлением каким-нибудь.

— Вы все правильно сделали, Максим Владиславович. Это я так, на всякий случай спросил. Скорее для успокоения своей совести. Я

же вижу, что вы человек серьезный, ответственный. Нам, видите ли, для расследования преступления очень важно, чтобы там все оставалось, как было. Спасибо, Максим Владиславович, вам от меня, как начальника отдела полиции. Вы нам очень помогли в расследовании очень коварного преступления. Это очень ценная улика.

— Пожалуйста, товарищ начальник. Я так и думал, что здесь что-то нечисто. У нас такие хорошие вещи в мусорник не выбрасывают.

— Сержант, запишите адрес товарища Лукьянова и отвезите его на дежурной машине домой. Еще раз огромное вам спасибо, Максим Владиславович.

Старик поднялся со стула, с полупоклоном попрощался с присутствующими и молодцеватой походкой, довольного выполненным гражданским долгом гражданина, вышел из кабинета, сопровождаемый полицейским.

— Вот нам и еще одна улика, — проговорил Верещагин, пододвигая к себе «дипломат». — Давай посмотрим его содержимое.

Венедикт подошел к столу и заглянул в раскрытый «дипломат». Две бутылки с алкоголем мирно лежали в его чреве, терпеливо дожидаясь своей кончины. Пластиковая папка с какими-то документами, зубная щетка в контейнере, еще несколько предметов из арсенала

командировочного. И все. Искомого листа в «дипломате» не было.

— Ну и чего? Ничего нет подходящего для улики? — поинтересовался Верещагин, стоя у окна и выпуская дым сигареты в открытую форточку.

— Нет, — мрачно проговорил разочарованный Венедикт, прикрывая крышку «дипломата». — Но, во всяком случае, теперь мы однозначно знаем, что причиной убийства стал этот исчезнувший таинственный листок со звездой Соломона и загадочной буквой «Х».

— Ничего не скажешь, хорошенькое начало расследования преступления. Листок кожи с загадочными рисунками, которого мы так и не видели и... Все! Больше ничего у нас нет. Никаких следов.

— Не надо утрировать, Антон Павлович. Кое-какие сведения мы все-таки имеем. Во-первых, мы знаем, что преступников было двое. Во-вторых, нам известно, что один из них — женщина. Пол второго преступника нам не известен. Это может быть и мужчина, и женщина. В-третьих, у нас есть приметы одного из преступников, и самое главное — теперь мы почти стопроцентно уверены, что преступление совершено из-за листа. Это не так уж и мало. Можно подумать, что в других преступлениях преступники преподносят вам улики на блюдечке с золотой каемочкой.

— Прав, ты, прав, Венедикт. Во всем прав. Ты возьмешься за расследование этого дела? У меня, понимаешь, и так много дел в разработке. А людей, как всегда не хватает.

— Я, естественно, возьмусь за него. Теперь мне и самому стало интересно, что это за рисунок такой загадочный, из-за которого преступники пошли на убийство?

— Вот и хорошо, вот и ладушки. Тогда действуем, как всегда. А мы тебе поможем, когда нужно будет. И чтобы никаких действий, связанных с угрозой жизни, не было. Ты меня понял? Все задержания и прочие процедуры, связанные со стрельбой и прочее, сделают мои специалисты.

— Понял, — Венедикт улыбнулся. — Пошел я работать.

— Будем на связи.

ГЛАВА ПЯТАЯ

986-969 годы до рождества Христова

1

С того дня Давид жил ожиданием рождения сына, которому Богом предопределено стать правителем царства и строителем нового Храма слова божьего.

Год шел за годом, победоносные войны с филистимлянами, моавитянами и идумеями значительно расширили границы еврейского государства и превратили его в небольшую, но мощную империю. А сын-наследник все не рождался. Многочисленные жены царя регулярно рожали. Но только одних девочек. Расстроенный данным фактом Давид не удостоивал даже своим посещением новорожденных.

А тем временем мечты о построении Храма, несмотря на пророчество Бога, не оставляли царя. Давид, нарушая заветы Бога, постоянно думал о нем. Он даже нашел превосходное место для построения Храма на горе Цион, откуда открывался великолепный вид на разрастающийся город. А построенный Храм был бы виден почти со всех районов столицы.

Он даже дал указание своим подданным начать подготовку для строительства. Был вырыт огромный котлован под фундамент, и строители уже начали завозить под него огромные каменные блоки. Но Бог, увидев, что Давид нарушает его заветы, пришел в негодование от непослушания. На строительстве начались бесконечные несчастные случаи.

То блок, сорвавшись со ступеней, раздавит несколько десятков работников, то неизвестно откуда взявшаяся вода затопит котлован. Узнав об

этом, царь Давид с сожалением приказал остановить строительство и долго молился, вымаливая прощение у Бога за свое ослушание.

Каждый день Давид входил к своим женам, любил их со всей мужской силой и страстью, а Бог все не давал ему мальчика. Рождались одни девочки от многочисленных жен гарема. Давид уже потерял и надежду, что исполнится пророчество Бога.

Но вот ему исполнилось 58 лет. И вскоре придворные принесли ему известие, что одна из его жен, молодая и красивая Бат-Шеве, усердно молившаяся в период беременности Богу, чтобы ее будущий ребенок родился мальчиком, вырос великим знатоком Торы и удостоился пророчества Бога стать наследником царя Давида, родила долгожданного мальчика.

Мать назвала его Шломо, что означало «Миротворец». Услышав об этом событии, дворцовый пророк Нафан пришел к покоям молодой матери и высказал пожелание видеть младенца. А увидев новорожденного, выделил его среди других сыновей Давида. Он признал его достойным милости Всевышнего и предсказал, что рожденный мальчик будет царем израилевым и будет любим Богом.

Обрадовался известию и царь Давид. Призвав в свои покои жену и мать наследника, он поклялся

Бат-Шеве, что именно Шломо, повзрослев, унаследует его царство. И это, несмотря на то, что он младший из его сыновей, многие из которых были уже в том возрасте, когда вполне могли взять на себя бразды правления государством у уже престарелого отца.

Не исполнилось младенцу и месяца, как царь призвал к себе Нафана.

— Друг мой, ты знаешь, какая миссия возложена на младенца по имени Шломо. Бог возложил на него большую историческую миссию и нам предстоит воспитать его так, чтобы он смог достойно выполнять божью волю. Я повелеваю тебе быть наставником наследника престола. Ты должен обучить его всему тому, что знаешь сам и даже большему. Как ты это будешь делать — дело твое. Можешь привлекать к его обучению любого, кого считаешь нужным.

— Повинуюсь твоей воле, повелитель. Позволь привлечь для обучения будущего царя Шими бен Гера из рода царя Шауля?

— Хорошо, Нафан. Я оглашу соответствующий указ. А я сам буду обучать сына законам Торы. Надеюсь, что совместными усилиями мы сможем воспитать достойного раба Господу нашему.

Давид постоянно интересовался успехами в обучении будущего царя. По отзывам всех

наставников Шломо делал впечатляющие успехи в учебе, что не могло не радовать отца. Давид немало времени проводил со своим «сыном старости», отвечая на его бесчисленные «почему», проверяя глубину его знаний, наставляя его в том, что человек должен считать в жизни главным, а что — второстепенным. Соломон как губка впитывал все, что давали ему наставники, чему учил его отец.

Когда Шломо был уже двенадцатилетним юношей, увидел он пророческий сон, в котором он обратился с просьбой к Богу.

— Я — еще юный отрок и не знаю, как вести дела, — сказал он Сабаоту. — Даруй же своему рабу разумное сердце, чтобы справедливо судить твой народ, уметь мудро различать, что есть добро и что зло.

— За то, что ты попросил меня об этом, а не просил себе долгой жизни, не просил богатства и не просил души своих врагов, — ответил Бог, — Я исполню твою просьбу. Я дам тебе мудрое сердце. Такое, что подобного тебе не было до тебя, и не будет после тебя. Я дам тебе и то, что ты не просил — и богатство, и славу. И не будет подобного тебе среди царей во все дни твои.

Проснувшись, Шломо понял, что это был всего лишь сон. Разочарованный он вышел из дворца и неожиданно понял, что понимает язык животных.

Он понимал, о чем щебетали птицы на ветках деревьев, и что кричал осел во дворе. И, вместе с тем, он почувствовал, что понимает суть каждой находящейся рядом вещи и каждого происходящего явления. И все это знание было даровано ему Богом с небес в момент сна. И он возблагодарил Бога за бесценный дар и поклялся использовать его для блага народа и во славу Его.

2

В покоях у царя стоял полумрак. Давид, лежа на ложе, повернул голову и посмотрел в окно. Небо было затянуто тяжелыми тучами, грозящими в ближайшее время пролить на землю потоки воды. Было душно, дышать — тяжело. Все тело было охвачено необычной усталостью. Изматывающе ныли старые раны, полученные в многочисленных битвах в разные годы. Сильно болела голова. Давид переместил голову на другое место.

— «Может, так голова будет болеть меньше», — с надеждой подумал он.

Но нет, голова стала болеть еще сильнее.

— «Это уже старость», — раздраженно подумал Давид. — «В молодые годы я совсем не реагировал на эти причуды природы. Стояла прекрасная погода или лил дождь, я всегда чувствовал себя прекрасно. А теперь... Стоит

погоде поменяться, так сразу начинает болеть голова, ныть старые раны, полученные в бесчисленных боевых стычках. Вот и сейчас нестерпимо ноет старая рана на правой ноге».

В последние месяцы боли стали почти ежедневными. Они выматывали его, отбирали последние силы, не давали полностью отдаваться службе государству и своему народу.

В дверь его покоев несмело постучались.

— Войдите, — раздраженно крикнул он и скривился от пронзившей его головной боли.

В покои с низким поклоном вошел один из его придворных.

— Господин, твоя жена Бат-Шеве с сыном просят принять их.

С утра на душе у Давида было беспокойно. Терзали мысли, что не иначе, как что-то произойдет сегодня. И вот начало неприятностей.

— «С чего это вдруг Бат-Шеве с утра решила посетить меня?», — удивился Давид.

— Открой окна, мне дышать нечем, — раздраженно распорядился он придворному. — И пусть войдет моя жена с сыном.

Пока придворный открывал окна, Давид, кряхтя и постанывая, неловко сполз с ложа и, накинув тяжелый шелковый халат, устроился на троне, подложив под ноющую ногу, расшитую замысловатыми узорами подушечку, исполненную

пленными персиянками.

В покои с поклоном вошла женщина, ведя за руку двенадцатилетнего Шломо. Давид неприязненно покосился на подростка сына. В нем вдруг возникло странное, ранее не веданное им чувство, граничащее с ненавистью, к сыну. Ведь именно этому юноше предстоит скоро сместить его с трона. И это произойдет, к сожалению, рано или поздно. Такого веление Бога. И этот юноша растет, расцветает... Он молод и здоров, и у него вся жизнь впереди. Жизнь в созданном им, царем Давидом, государстве. А у него уже нет места на его теле, которое бы ежесекундно не напоминало болью о себе. Может, пока еще есть силы и возможности, следует юношу... И от посетивших его страшных мыслей он испугался.

— «Как я посмел ненавидеть своего младшего сына, которому заветом Бога предстояло быть помазанным царем?».

И он начал мысленно торопливо возносить молитву Богу, прося прощения за страшные мысли.

А женщина с юношей стояли в молчании, ожидая, когда повелитель соизволит обратить на них свое величайшее внимание.

— Что тебе надо, женщина? — закончив молитву, Давид обратил свой грозный взор на стоящих перед ним жену и сына. Он усилием воли преодолел головную боль и постарался, чтобы

голос его был твердым и не выдал его постоянных страданий. — Почему ты посмела потревожить мой утренний отдых? Что привело тебя ко мне в столь ранний час?

— Господин, — Бат-Шеве в пояс поклонилась царю иудейскому, — твой сын вырос. Благодаря усилиям Нафана, Шими бен Гера и других учителей он обладает глубокими знаниями во многих областях. И Тору, благодаря усилиям моего господина, он знает не хуже священника Цадока. Не пришло ли время исполнить тебе волю Сабаота и объявить его царем Израиля?

Давид задумчиво повертел на своем пальце любимый перстень. Бат-Шеве уже знала, что эти манипуляции свидетельствуют, что владыка нервничает или находится в глубокой задумчивости.

— Нет, — после нескольких минут молчания произнес он. — Юноша еще слишком юн, чтобы управлять большим государством, которое я создал. Пусть еще подрастет, наберется разума и опыта.

— Но господин, ты же знаешь, что...

— Женщина, ступай! Я сказал тебе свое царское слово. Придет день, когда Шломо станет царем израилевым. Еще не пробил его час.

— Госпо...

— Ступай, я сказал! — гневно воскликнул Давид, вскакивая с трона. — Или я велю сей же час

примерно наказать тебя за твою дерзость. — Боль раненой ноги была настолько резкой, что Давид был вынужден стиснуть зубы, чтобы не вскрикнуть.

Лицо Бат-Шеве искажилось от охватившего ее гнева. Она с трудом сдержала свое раздражение и разочарование от слов своего царственного супруга. Она, небрежно поклонившись, схватила за руку сына и почти потащила его за собой.

Выйдя из покоев царя, она увидела Нафана, смиренно поджидающего ее. Увидев разъяренное покрасневшее лицо жены царя, он и без ее слов понял, что ей не удалось убедить царя теперь выполнить завет Бога. Она, не останавливаясь, повела сына на женскую половину дворца.

Нафан, дождавшись, когда Бат-Шеве скроется из глаз, испросив разрешения, вошел в покои царя.

Давид, увидев вошедшего в покои друга, вскочил с трона и, прихрамывая, заметался по помещению.

— Сейчас Бат-Шеве была у меня и предложила уже сейчас помазать на царство нашего сына Шломо, — раздраженно произнес он.

— И какое решение принял господин? — спокойно спросил Нафан, хотя уже знал ответ на свой вопрос.

— Я отказал ей. Шломо еще слишком молод, чтобы управлять государством, в которое я вложил все свои силы, все свои знания.

— А ты не задумывался, что ты уже не молод, что твое здоровье уже не позволяет тебе, как раньше управлять государством. Вот и сейчас ты мечешься по покоям и хромаешь. Я знаю, что твои старые раны не дают тебе покоя ни днем, ни ночью. И эта боль все чаще занимает все твои мысли. И ты хочешь сказать, что в таких условиях ты будешь хорошо управлять своими подданными?

Давид яростно взглянул на Нафана, закрипел зубами в бессилии, молча прошел к трону и сел на него, пристроив удобнее болевшую ногу.

— Ты прав, мой друг, — с трудом успокаивая свой гнев, проговорил он. — Я уже, увы, не молод. И раны, полученные в боях, все чаще напоминают о себе нестерпимой болью. И что ты предлагаешь? Отказаться от трона?

— Мой господин, я считаю, что да. Пока у тебя есть силы самому сделать это. А если что случится с тобой? Власть захватят твои старшие сыновья, и будет нарушен завет Бога. И в стране начнется хаос. И народ проклянет тебя и все твое семя в веках. Весь твой многолетний труд будет напрасным. Ты подумал об этом?

— Я помню о завете моего Господа. Но я плохо подумал о последствиях своего решения. И все это из-за жутких болей, что постоянно терзают мое тело. — Успокаиваясь, пробормотал едва слышно Давид. — Но ты же понимаешь, Нафан, что

провозгласив Шломо царем, я подпишусь в своем бессилии, в своей неспособности царствовать. Мои недруги возрадуются этой новости. И потом, он еще очень молод. Ему не хватает знаний, у него нет никакого опыта управления государством.

— Господин, — с поклоном почтительно проговорил Нафан, — ты сам и ответил на этот вопрос — провозглашать или не провозглашать сына царем? Своим провозглашением ты проявишь мудрость, покажешь народу свою заботу о государстве и своем народе, который тебя любит, уважает и верит в твое благоразумие. Ты продемонстрируешь Ему, — Нафан благолепно поднял глаза вверх, — свое глубочайшее уважение к Его завету. — Пока у тебя есть силы, светлый разум, ты сможешь помогать Шломо, делиться с ним своими знаниями и опытом, помогать мудрым советом. Да и я еще смогу чем-то помочь ему. Ты знаешь, что на днях к Шломо во сне приходил Бог? Он наделил твоего сына знаниями, которые не доступны и тебе, и мне, и другим людям. И этим Он дает тебе знак, что твой сын готов стать царем. Не медли, господин, со своим решением.

Давид мрачно посмотрел на Нафана, тяжело вздохнул и начал крутить на пальце перстень.

— Хорошо, друг мой, я принял решение, — после тяжелых раздумий с хрипотцой произнес он. — Вели позвать ко мне Цадока.

— Ты принял правильное решение, мой повелитель. Царь Соломон будет достойным продолжателем твоих дел.

— Почему Соломон? Моего сына зовут Шломо.

— Да, мой повелитель, твоего сына зовут Шломо, а будущего царя Израиля назовут Соломоном. Такого веление самого Сабаота.

— Да будет так. — Давид прикрыл глаза, слабо махнул рукой, давая понять Нафану, что разговор закончен.

3

Священник Цадок, выполняя волю повелителя, в сопровождении придворного пророка Нафана, Бнаягу и отряда царских телохранителей повезли Соломона на царском муле к источнику Гихон, где священник помазал молодого наследника престола на царство. Когда раздались торжественные звуки рожка, возвещающего об этом радостном событии, народ возликовал: «Да здравствует царь!», «Да здравствует Соломон!». Народ, выкрикивая славу новому царю, толпой пошёл за Соломоном, сопровождая его во дворец с музыкой и ликующими возгласами.

4

Незадолго до своей смерти в 967 году до рождения Христова, Давид нижайше попросил царя Соломона посетить его в покоях.

Давид встретил повелителя, сидя на своем троне. При появлении Соломона Давид попытался встать и соответствующим образом поприветствовать повелителя, но сильная боль в ноге не позволила ему сделать это. Он, сцепив от нестерпимой боли зубы, лишь наклонил голову, выражая этим жестом свое глубочайшее уважение молодому царю.

— Прости, Повелитель, что я сам по немощи своей не смог прийти к тебе, — проговорил он тихим голосом, когда потревоженная нога немного успокоилась. — Я стал больным и немощным. Ты уже почти два года царствуешь в Израиле. И я должен с гордостью признать, что под твоим мудрым правлением государство Израиль укрепляется и успешно процветает. Но в создаваемой тобой прекрасной диадеме под названием государство Израиль, по моему разумению, не хватает одного, самого драгоценного, камня.

— Что ты имеешь в виду, отец? — заинтересовался молодой царь.

Правда, он лукавил своим вопросом. Нафан, несменный воспитатель, наставник, советчик, давно

посвятил его в несбывшуюся мечту его отца. Но Соломон нарочно прикинулся несведущим, чтобы доставить удовольствие старому человеку самому рассказать о своих мечтах. Он присел рядом с тронем отца, по-сыновьи нежно поправив подушку под больной ногой.

— Я полон желания выслушать тебя отец. Какой драгоценный камень пока еще не сверкает в моей великолепной диадеме?

— Столице нашего славного государства не хватает Храма, который будет восхвалять Господа нашего, и от которого его учения будут распространяться по всему государству и миру. Ты должен построить этот Храм, ибо так тебе завещаю я, твой отец, и такого веление нашего Бога Сабаота.

— Хорошо, отец. Я выполню твою волю и завет Его. — Соломон с жалостью посмотрел на дряхлеющего отца.

— Сын мой, тебе предстоит воплотить мою мечту, которую я вынашивал два десятилетия. Все результаты моей многолетней работы ты найдешь вот в этом ларце. — Давид достал из-под своего трона ларец и подал его сыну.

— Отец, еще преждевременно строить Храм во имя Сабаота. Строительство Храма — дорогостоящее мероприятие, — Соломон с сомнением взглянул на отца. — У меня сейчас нет столько денег.

— Ты не прав, мой повелитель, — Давид хрипло рассмеялся, закашлялся натужно. — Я долгие годы собирал деньги на строительство Храма и разрабатывал планы его строительства. — В голосе Давида послышались нотки гордости. — Казначею мною даны указания, выдать тебе деньги из моих личных сокровищниц. Ты получишь у него 10 000 золотых талантов, а еще в десять раз больше серебра, которые я откладывал на эти цели долгих двадцать лет. Этих денег тебе должно хватить на строительство.

— Отец, я выполню твое завещание и завет Сабаота. Я построю Храм и вставлю в диадему своих благих дел самый дорогой камень.

— Спасибо, сын мой Шломо. Теперь я могу спокойно покинуть этот мир и отправиться в мир мертвых. Дозволь, повелитель, отдохнуть мне от утомительной беседы с тобой.

Соломон подошел к царю, наклонился и благодарно погладил его по плечу.

Через две недели царь Давид скончался и был похоронен в пределах старого храма.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Увидев входящего в кабинет Струкачева, Евдокия Васильевна искренне обрадовалась.

— Венедикт Игоревич, я очень рада видеть

вас живым и в добром здравии. Я провела немало тревожных часов в размышлениях, не совершила ли я ошибки, позволив вам воспользоваться свойствами камня Дропа. Рассказывайте, где вы были, что видели? — засыпала она Венедикта вопросами, усадив гостя в кресло. — Нашли ли пропавшего мужчину?

— Да, Евдокия Васильевна, камень Дропа оказался вполне работоспособным. Я с его помощью побывал на планете Набиру, которая находится за пределами солнечной системы, нашел пропавшего мужчину и благополучно вернулся на землю.

— Венедикт Игоревич, мне было бы очень интересно знать подробности. Мне, как ученому, очень хотелось бы знать мельчайшие детали о перемещении в пространстве от первого человека в современном мире, который совершил это.

Пришлось ему подробно рассказать профессору, каким образом работал камень, какие у него были ощущения и в период перемещения в пространстве и на таинственной, никому не известной планете, что он видел и как устроен мир на Набиру.

Евдокия Васильевна часто перебивала речь Венедикта наводящими и уточняющими вопросами. Их беседа длилась ни один час, и секретарше не раз приходилось приносить кофе для разговорившихся